

Крыленко Николай Васильевич

**Выводы и уроки из процесса
"Промпартии"**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н63

Н63 **Николай Васильевич К.**
Выводы и уроки из процесса "Промпартии" / Крыленко Николай Васильевич –
М.: Книга по Требованию, 2022. – 48 с.

ISBN 978-5-519-91328-7

Политические партии. Коммунистические и рабочие партии. КПСС. История КПСС. Партия в период наступления социализма по всему фронту и создания колхозного строя 1929-1932. Борьба партии за единство своих рядов

ISBN 978-5-519-91328-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

оруженного вмешательства, попытки вооруженной рукой ликвидировать СССР? И если действительно так был поставлен вопрос, то в силу каких причин он был так поставлен, и снят ли он с очереди по окончании этого процесса? И если не снят, то какие отсюда выводы для нас вытекают и на какие моменты нам надлежит обратить внимание в нашей практической работе для того, чтобы ликвидировать реальную опасность войны, вооруженного вторжения иностранных войск и белогвардейских банд? Кто наши враги, кого имеем мы союзниками, и есть ли, наконец, среди населения нашего Союза по этому вопросу нейтральные группы? Вот совокупность вопросов, вытекающих из первой проблемы.

Второй вопрос, поставленный процессом: какие работают у нас внутри СССР контрреволюционные организации в целях подготовки вооруженной интервенции и вооруженного низвержения советской власти? какими методами работали наши противники? насколько существенно важны в смысле эффективности результаты этой работы? насколько существенен ущерб, который они нанесли? И затем, насколько в силах мы в настоящий момент парализовать этот ущерб, все ли в этом отношении сделано, что в этом отношении не доделано и что надлежит еще сделать для того, чтобы этот ущерб ликвидировать в настоящем и будущем, если он не ликвидирован еще совсем? Вот вторая совокупность вопросов, и в связи с ними отсюда вытекает и еще ряд других. Почему, в силу каких причин могли наносить нам ущерб вредители? что способствовало возможности наносить этот ущерб и какие мы должны

принять меры, чтобы предотвратить возможность нанесения такого ущерба в будущем,— вот вторая совокупность вопросов.

Третья совокупность вопросов, поставленных этим процессом: если в результате работы контрреволюционной вредительской организации возникла угроза вооруженной интервенции, то в сумме условий, способствовавших созданию такой возможности, не было ли таких моментов, которые можно было объяснить нашими ошибками? Не сделали ли мы в своей политике неправильных шагов в наших политических взаимоотношениях с отдельными слоями и группами населения? не сделали ли мы каких-нибудь неверных шагов, которые помогали в этом отношении нашим врагам? Вот третья совокупность вопросов, которые равным образом должны быть подвергнуты рассмотрению, на которые мы должны дать ответ со всеми выводами, отсюда вытекающими.

Насколько реальна опасность интервенции

Процесс протекал перед глазами представителей буржуазной печати, этого основного рычага, создающего общественное мнение буржуазии Западной Европы. Буржуазная печать послала на процесс достаточное количество своих корреспондентов для того, чтобы непосредственно при помощи своих щупальцев, своих людей, своей политической агентуры следить за ходом процесса. И поэтому основным вопросом, который ставился на этом процессе и на который и они должны

были дать ответ, был вопрос о том, насколько же была реальна опасность интервенции?

Мы знаем, что когда было опубликовано обвинительное заключение по делу «Промпартии» в советской прессе и за границей, то оценка, которая была дана буржуазной прессой как бы по уговору (и на самом деле по уговору), была следующая: бред сумасшедшего, фантастика, пинкертоновский роман, творчество богатого воображением прокурора, смешение фактов и событий, каша из всего, что только можно было в эту кашу вляпать, и в конце концов—вымысел, глупость, сказки и пр.

Буржуазия не могла не изображать вымыслом и бредом факты, опубликованные в обвинительном заключении, потому что им затрагивались имена руководителей политики французской буржуазии, имена некоторых руководителей бывшей, а в определенной степени и настоящей политики влиятельных крутов английской буржуазии. Были затронуты такие имена, как имя Пуанкаре—бывшего президента французской республики или Бриана, который выступает как главный носитель идей пацифизма, идей мира, идей борьбы против всяких новых войн. Обвинительное заключение затрагивало и целые государства, находящиеся по соседству с нами. Уже один этот перечень имен и государств, приведенный в обвинительном заключении, заставил буржуазию кричать о том, что обвинительное заключение—сказки, вымысел, созданный ГПУ совместно с прокуратурой.

Вот та оценка, которая была дана обвинительному заключению как бы по определенному стовору буржуазной прессой всех стран.

Вторым маневром, который был предпринят одновременно, заключался в том, что почти вся буржуазная пресса была переполнена сообщением о невероятных беспорядках, которые-де происходили в СССР. В буржуазных газетах писали, что на улицах Москвы идут бои, что в ряде городов происходят вооруженные восстания, что ряд крупных деятелей коммунистической партии убит и что только лишь для того, чтобы скрыть все эти факты, и выдуман процесс, ибо он мог обнаружить перед лицом трудящихся всего мира действительные намерения правящих кругов Европы, показать движущие пружины интервенционистской политики классового врага. И буржуазная пресса по указке своих хозяев делала все заранее, чтобы отвлечь от процесса внимание, замазать его значение.

Как же повели себя наши классовые враги по мере развертывания процесса? Как откликнулись на него правящие круги буржуазии? Мы имеем в виду бывшего президента Французской республики, бывшего премьер-министра Франции г. Пуанкаре. Он лично трижды выступал в печати в связи с процессом. Суть его выступлений сводилась к тому, что, несмотря на всю совокупность улик, которые были выявлены на процессе, он, гражданин Пуанкаре, считает, что его слов достаточно, чтобы считать, что им уже опровергнуты все факты. Точно так же выступали заинтересованные лица и из кругов английских капиталистов: Уркварт, Детердинг. С опровержением выступил также «Торгпром» — заграничное объединение бежавших за границу бывших русских промышленников и капиталистов. И точно так же суть этих опровержений заключалась только в голом

отрицании, в одном только голословном отрицании—ничего не было, никого не знаю, не слышал... И все. И именно тот факт, что они считали необходимым выступить и что они не смогли иначе выступить, как с такого рода «опровержением», показывает, что удар попал в цель. Зашумела, зашевелилась эта клика, зашипели змеиные гнезда этих гадов. Каждый на свой лад, изрыгал на нас грязь и клевету и свое «благородное» возмущение и негодование.

Затем начался третий акт комедии.

Во французской палате депутатов, в английской палате общин начались интерpellации¹ по поводу процесса. В Англии консерваторы запросили Гендерсона, что думает предпринять этот досточтимый джентльмен на предмет восстановления честного имени Англии, про которую было сказано, что и она имеет аппетит к интервенции. То же во французской палате депутатов. И так же шумели в Польше, и так же шумели в Румынии.

Спрашивается, чем же объяснить этот шум, чем объяснить этот интерес, этот змеиный шип, злобу и ненависть, если бы на самом деле какие-то 8 человек из полуторастамиллионного населения СССР набрехали так себе—здорово живешь—какую-то нелепость?

Шум целиком и полностью объясняется тем, что в опубликованном обвинительном заключении действительно были задеты основные пружины. Как раз в это время в Женеве заседала Международная комиссия по

¹ Интерpellация — запрос правительству со стороны / чуждых представителей в парламенте.

разоружению, где Бриан и другие выступали с заверениями в том, что они «ах, как хотят разоружаться». И именно в это самое время им преподнесли обвинительное заключение с фактами и данными о подготовке интервенции, с указанием мест, дат, плана действий. Преподнесли от имени государства, которое нельзя так легко сбросить со счетов в политической игре и политической борьбе. Это обвинение не могло не встревожить осиные гнезда. И осиное гнездо зашумело и зашипело, изливая на нас новые потоки лжи и клеветы.

Конечно наши классовые враги могли бы (и они пытались так поступить в первое время) молчанием ответить на процесс. Но когда они увидели, что вопрос ставится серьезно, что дело идет об открытом политическом процессе, на котором могут, должны и будут присутствовать представители буржуазной прессы, и который может гораздо больше сказать и рассказать, чем это даже сказано в обвинительном заключении, тогда тревога в их лагере еще более усилилась, и самый процесс приобрел значение, как один из важнейших политических фактов международного значения и мирового масштаба. Так оценили в конце концов процесс наши враги.

Как его оценили мы? Мы тоже оценили его как крупный политический факт международного масштаба, факт, имеющий значение не только для пролетариата СССР, но и для рабочего класса капиталистических стран; мы его оценили прежде всего как факт, дающий возможность перед широкими массами рабочего класса у нас и в Западной Европе поставить вопрос—хочет он или не хочет допустить, чтобы началась новая мировая бойня? Если не хочет, то что он должен сделать, что-

бы предупредить возможность повторной мировой войны, пример которой мы имели в мировую войну 1914—1918 гг., ибо к этому идет дело, ибо к этому ведут классовые противоречия капиталистического строя, противоречия внутренние и внешние, уже назревшие и ждущие своего разрешения именно путем войны. Об этом наша партия говорила уже раньше, об этом сказал XVI съезд партии, об этом сказал в своем докладе т. Сталин, отметив неизбежность «авантюристских наскоков на СССР», наскоков, в которых буржуазия ищет выхода из этих противоречий. Капиталистический мир не может мириться с экономическим кризисом, с нарастанием революционной волны внутри, с ростом политического и экономического могущества СССР во-вне, с подъемом мировой революции в колониальных странах и с неразрешенностью проблемы внутреннего рынка у себя в стране.

Все эти противоречия империалисты думают разрешить путем ликвидации СССР как самостоятельной экономической единицы и как единственного в мире государства, где господствует пролетарская диктатура, путем превращения ее в новый объект капиталистической эксплуатации—в колонию, откуда извлекались бы новые прибыли, куда сплавлялись бы «излишне» произведенные товары. Но если даже и внутренние противоречия, в которых бьется капиталистический мир, не могут найти своего разрешения мирным путем, то капиталистические хищники—враждующие между собой Англия и Америка, Америка и Япония, Италия и Франция, Франция и Германия, Германия и Польша и т. д.—не могут броситься друг на друга до того времени, пока

существует СССР, ибо итог тогда был бы иной. Поэтому проблема ликвидации СССР является одной из тех, практического разрешения которой они пытаются добиться раньше, чем перегрызут друг другу горло. Поэтому «авантюристские наскоки на СССР» связаны со всей объективной наличностью этих противоречий и объективно вытекают из них.

И поэтому-то правящие круги буржуазии хотят успокоить наивных дурачков в своих странах словами, что как раз их, мол, правительства не хотят войны и не хотят вооружений, в то время как на деле все они лихорадочно готовятся к этой новой схватке. Понятно отсюда, почему в такой момент опубликование обвинительного заключения с указанием кто, когда, где, с кем, в каком месте, как подготавливает вооруженную интервенцию, с угрозой, что эти факты будут приведены на открытом для всего мира процессе, явилось таким орехом, которого буржуазия разгрызть не могла. Вот чем объясняется тот страшный вопль ненависти и злобы, те потоки грязи и клеветы, которые полились на нас со страниц буржуазных газет, чтобы смазать политическую сущность этого процесса. И уже этого одного было достаточно, чтобы мы отнеслись к этому процессу со всей серьезностью и провели его перед глазами трудящихся всего мира с наибольшей гласностью и с наибольшей полнотой. Мы так и отнеслись к нему. Поэтому мы должны были взять на себя обязательство в судебном процессе фактическими материалами разоблачить до конца действительных двигателей и организаторов интервенции и способы ее подготовки.

Пуанкаре и «Торгпром» — вдохновители интервенции

Что же показал процесс?

Возьмем некоторые факты судебного следствия так, как они протекали перед глазами мировой аудитории.

Основным фактом, из которого исходило обвинительное заключение и который подтвердился целиком и полностью на суде в показаниях всех обвиняемых, был факт свидания в 1928 г. в Париже руководителей контрреволюционной организации, Рамзина и Ларичева, с «Торгпромом» — Денисовым, Рябушинским, Консваловым и др. — на двух совещаниях, которые имели место 8 октября в Париже утром и вечером, и на двух совещаниях, имевших место на другой день, где присутствовали: Ларичев, Рамзин, бывший царский генерал Лукомский и председатель «Торгпрома» Денисов, с одной стороны, и французские полковники Жуанвиль и Ришар — с другой стороны. Вот те группы лиц, которые были названы в обвинительном заключении и о которых с конкретными указаниями времени и места совещаний рассказывали все подсудимые.

Как можно было этот факт опровергнуть, когда мы имеем перед лицом большой аудитории точные показания обвиняемых? Это можно было опровергнуть лишь следующим образом — доказать объективную невозможность этих совещаний.

Скажем, Ришар, Жуанвиль... А может быть таких и в природе нет? Может быть их выдумал Рамзин, когда его пересаживали по очереди то в жар, то в холод в

казематах ГПУ, чтобы вынудить «признание», как об этом пишут французские газеты?

Возьмем документы, изданные в 1928/29 г. французским военным министерством.

Жанен? Жанен! Жуанвиль? Жуанвиль! Ришар? Ришар! Эти имена значатся там. Значит такие в природе есть, существуют и даже указаны их имена—Гастон, Поль, Анри и т. д. И мало того: указано также, где и кто раньше работал. Один был инструктором при румынской армии, другой—инструктором при польской армии. Следовательно, выдумывать их было никак нельзя. Наконец Жансен—наш старый «знакомый», представитель французского командования в период первой интервенции при Колчаке. Этот генерал любил писать дневник на сон грядущий и описал в нем, как он раньше работал в Сибири с Колчаком, и кем он работал, писал о министрах, которых он там встречал и которых он называет взяточниками, негодяями, прохвостами и т. д. Этот документ подтвердил правильность сообщений подсудимых. И характерно, что мы не имеем ни одного опровержения этого факта военных совещаний со стороны каких-либо официальных учреждений. Характерен факт, что буржуазная пресса должна была признать, как было опубликовано на днях агентством Конти, что из буржуазных корреспондентов на процессе не было ни одного, который не был бы убежден в том, что заговор действительно существовал, что факт государственной измены доказан, что нет ничего невероятного в том, что имели место совещания с военными кругами, мечтающими о славе Наполеона, и т. д. Мы не знаем, мечтали ли они о славе Наполеона, сидя у себя в кабинете за чашкой